

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
ББК 84(2)
DOI 10.18522/1995-0640-2024-1-135-150

ТЕМА «РУССКОГО МИРА» В ПАМЯТНИКАХ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Алексей Сергеевич Тищенко

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Эпоха Смутного времени повлияла на особый характер литературы и обострила тему «русского мира», которая к XVI в. стала устойчивой. В двух публицистических памятниках – «Новой повести о преславном Российском царстве» и «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» – находят отражение волнующие авторов вопросы о текущем положении Руси: отсутствие законного правителя, польско-шведская интервенция, возможность восхождения на престол чужеземца. Эти вопросы оказываются связанными и с темой «русского мира», которая рассматривается сквозь призму авторских призывов не допустить разрушения основ, составляющих русский цивилизационный код.

Ключевые слова: *русский мир, Смутное время, цивилизационный код, православие, правитель*

Для цитирования: *Тищенко А. С.* Тема «русского мира» в памятниках Смутного времени // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 28, № 1. С. 135–150.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Original article

THE THEME OF THE “RUSSIAN WORLD” IN THE MONUMENTS OF THE TIME OF TROUBLES

Aleksey S. Tischenko

Federal Research Center the Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The era of the Time of Troubles influenced the special character of literature and exacerbated the theme of the “Russian world”, which by the XVI century had become stable. Two journalistic monuments ‘The New Tale of the Glorious Russian Kingdom’ and ‘The Lament of the Captivity and the Final Ruin of the Moscow state’ reflect the authors’ concerns about the current situation of Russia: the absence of a legitimate ruler, the Polish-Swedish intervention, the possibility of ascension to the throne of a foreigner. The theme of the “Russian world”, which is viewed through the prism of the author’s calls not to allow the destruction of the foundations that make up the Russian civilizational code, also turns out to be related to these issues.

Key words: *Russian world, the Time of the Troubles, civilizational code, Orthodox Christianity, governor*

For citation: *Tischenko A.S.* The theme of the “Russian world” in the monuments of the Time of Troubles // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 28, № 1. P. 135–150.

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the SO of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, project no. 122020100347-2.

Введение

Конец XVI – начало XVII в. представляют собой очередной переломный этап русской истории. Над Русским централизованным государством во главе с Москвой, сложившимся в конце XV в., развивавшимся и окончательно укрепившимся в середине XVI в., на рубеже XVI – XVII вв. нависла угроза уничтожения. Общественно-политический, социально-экономический, династический, культурный и морально-нравственный кризис, польско-литовская интервенция, раскол общества обрушились на Русь за несколько лет (1590–1610-е гг. – довольно небольшой с исторической точки зрения временной отрезок) и затронули сформировавшиеся основы государственности и культуры. Период 1598–1613 гг., именуемый Смутой, или Смутным временем, известный как «бунташный век», характеризуется «смущением умов» [Антонов, 2009, с. 9] и является «одним из “осевых” периодов русской истории» [Антонов, 2019, с. 163].

Обширный круг памятников, посвященных событиям Смуты, неоднократно привлекал внимание исследователей. Они служили материалом для исторических работ [Карамзин, 1990; Ключевский, 1988; Козляков, 2007; Костомаров, 2009; Платонов, 1995; Скрынников, 1988; Флоря, 2005], а также научных изысканий филологов [Адрианова-Перетц, 1953; Бабкин, 1951; Державина, 1955, 1958; Дробленкова, 1960; Лихачев, 1951, 2006; Солодкин, 1981, 1990; Панченко, 2000; Черепнин, 1976].

Среди современных филологических работ особое внимание обратим на труды М. А. Коротченко и О. А. Туфановой. В диссертации М. А. Коротченко системно анализируется широкий круг сочинений о Смуте разных жанров, выявляется общая идеологическая основа памятников, рассматривается мировоззрение человека эпохи Смуты и его отражение в литературе, а также выявляется и осмысливается связь религиозно-философских воззрений и представлений о преодолении Смуты. Цель исследования заключается в «реконструкции исторической идеологии человека второй половины XVII в., осмыслении типа мышления того времени как целостной и до определенной степени замкнутой системы взглядов» [Коротченко, 1998].

О. А. Туфанова рассматривает литературные памятники этого периода как «единый нарративный текст о Смуте, отразивший значимый в эволюции древнерусской словесности этап» [Туфанова, 2019, с. 5]. Анализируя более 20 памятников, созданных непосредственно в эпоху Смуты и последующие два десятилетия, автор показывает, что эти сочинения представляют собой литературный цикл, «пронизанный внутренне едиными и в то же время противоречивыми художественными тенденциями» [Туфанова, 2019, с. 16]. Исследователь утверждает, что единство рассматриваемых памятников обусловлено «наличием в них сквозных тем, идей, мотивов», при этом они являются собой «огромный литературный цикл, подчиненный одной главной теме – теме Смуты» [Туфанова, 2019, с. 37].

С нашей точки зрения, эти памятники объединены не только конкретной темой Смуты, но и более широкой – темой «русского мира» и его будущего, дальнейшей судьбы. К XVI в. тема «русского мира» прочно закрепляется в литературе и последовательно связывается с рядом мотивов, сюжетов, образов. Смутное время – эпоха перемен и потеря – обострило эту тему, поставило вопрос о возможности трансформации русского мира и нарушения его целостности.

Как мы неоднократно отмечали ранее [Тищенко, 2022, 2023], тема «русского мира» прочно связана с вопросами независимости Русского государства, его исторической судьбы. К XVI в. в связи с образованием централизованного Русского государства и перемещением центра русского мира в Москву сложилось особое восприятие Московского царства, выразившееся в концепции «Святой Руси», «Божьего царства», «Святого царства» и т. д. – особого цивилизационного пространства, отмеченного православной христианской благодатью, находящегося под покровительством святых и имеющего мессианское значение (вспомним, к примеру, переписку Андрея Курбского с Иваном Грозным). На такое осмысление Русского государства повлиял ряд факторов: освобождение Руси от монголо-татарского ига, обособление Русской православной церкви от Константинопольского патриархата, появление теории «Москва – третий Рим», женитьба Ивана III на наследнице византийского престола Софии Палеолог. Например, Л. А. Ключкина отмечает, что на рубеже XV – XVI вв. сформировалась «мифологема империи ... как символ национального сознания» [Ключкина, 2014, с. 68]. Мифологема империи, подразумевающая сакрализацию национально-государственного бытия, направлена на «экзистенциальные переживания судьбы русским народом, связанные со стремлением всегда иметь место в мировой истории, т. е. иметь право на бытие при любых исторических обстоятельствах» [Ключкина, 2014, с. 68].

События Смутного времени пошатнули символические основания русского мира и поставили под угрозу уничтожения не только централизованное государство, но и сложившийся русский цивилизационный код – идентификационное ядро русского мира. Под цивилизационным кодом мы подразумеваем «уникальный набор исторических, национальных и социокультурных ценностей и особенностей, присущих каждой нации и государству, детерминирующих социально-культурное, экономическое и социально-политическое развитие общества и передающихся из поколения в поколение» [Надольская, 2018, с. 222]. При этом, будучи категорией исторической, формируясь в течение веков, цивилизационный код «закрепляет смыслы и канонизирует ценности, связывая прошлое, настоящее и будущее многих поколений, делая их единым целым – народом с собственной и неповторимой проекцией развития» [Надольская, 2018, с. 224]. Это понятие появилось и стало активно рассматриваться в разных областях гуманитарных и общественных наук сравнительно недавно, но сам феномен русского цивилизационного кода уходит корнями во времена Древней Руси, а к XVI в. предстает сформированным. В его основе лежат православное христианство, идея веры и надежды на божественную помощь, любовь к Родине и чувство справедливости, осмысление совокупности людей в духовном плане.

Исследование и его результаты

В пределах одной работы невозможно охватить весь круг памятников, проанализировав их с точки зрения отражения исследуемой нами темы, поэтому материалом для настоящей статьи служат яркие образцы публицистики Смутного времени – «Новая повесть о преславном Российском царстве» [Новая повесть о преславном Российском царстве, 2006] и «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» [Плач о пленении и конечном разорении Московского государства, 2006]. Выбор этих памятников обусловлен не только их принадлежностью к публицистике, но и особой злободневностью, непосредственной связанностью с текущими событиями.

«Новая повесть о преславном Российском царстве» – живой отклик современника-патриота на события 1610–1611 гг.: свержение с престола Василия Шуйского 17 июля 1610 г. и заключение московским боярским правительством августовского договора, а также на фактическую оккупацию Москвы польско-литовскими интервентами. Это больше чем повествовательный отклик, это грамота-воззвание, призывавшая «современников к вооруженному сопротивлению против иностранных интервентов и предателей из правительства национальной измены – “Семибоярщины”» [Дробленкова, 2006, с. 690]. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», по замечанию исследователей, представляет собой компиляцию на основе официальных грамот 1610–1612 гг., составленную летом-осенью 1612 г. [Тихомиров, 1969], однако и этот памятник можно отнести к документам эпохи: в нем выражены и скорбь всего русского народа о пострадавшем государстве, и любовь к Отечеству, и надежда на восстановление целостности Руси.

В анализируемых нами памятниках находит отражение осмысление Руси как святого, сакрального царства, однако возвышенные характеристики Московского царства коррелируют со скорбью, осуждением и чувством безнадежности. Так, ореол величия, монументальности и прославления отражается и в названии, и в самых первых строках: «Преименитаго Великого государства матере градовом Росийскаго царства», «Великое наше государство», «наше Росийское великое государьство» [Новая повесть ... , 2006, с. 150–152].

Такой же комплекс представлений о Русском государстве фигурирует и в другом примере: «преславная яносящая превеликая Россия», «Сим пресвѣтлым и предивнымъ государьством преславни быша велицыи царие, величашася благороднии князи, и во всемъ, – дерзновенно реши, – толикаго учреждения бысть преисполнено, и свѣтомъ, и славою превзыде» [Плач о пленении ... , 2006, с. 180–182]. В этом памятнике особенно восторженно выражается величие государства: использование приставки *пре-* (здесь и далее курсив наш) со значением высокой степени качества («преславный», «пресветлый», «предивный», «преисполненный»), наделение правителей эпитетами («великие цари», «благородные князья»), появление символики света как будто дают краткую характеристику модели «русского мира», выводя его черты – величие, благородный правитель, слава, светлость, благодать. Однако авторский взгляд на эти идеалы обращен в прошлое, а настоящее автор «Плача о пленении...» видит порушенным.

Пресечение династии Рюриковичей, постоянно сменяющаяся власть, появление самозванцев привели за несколько лет страну к расколу – как территориальному (противостояние центра государства и окраин), так и ментальному. Царь для Руси – это не только глава государства, это настоящий лидер – носитель признаков русского мира. В годы правления Ивана Грозного сложился комплекс представлений об истинном царе, отразившийся как в духовно-политической мысли, так и в официальной идеологии. Основными составляющими образа царя являлись «богоизбранность (божественное происхождение власти); прирожденность (принадлежность к роду Рюриковичей, имеющих непосредственное Божие благословение на обладание царским титулом и являющихся потомками императора Августа); полнота самодержавной власти; обязанность защищать православную веру и Церковь; обязанность хранить христианскую благочестивость, соблюдать милость и “правду” (справедливость)» [Федякин, 2008, с. 23]. С образованием и укреплением Московского царства сложилась настоящая «московская мифологема вла-

сти»: страной управлял «государь-самовластец, чтимый как образ Божий на земле» [Антонов, 2019, с. 38].

Одним из центральных в памятниках эпохи Смуты является вопрос о государе. Весь этот исторический период представляет собой борьбу русского мира за обретение законного наследника престола. Неожиданная смерть Бориса Годунова, хотя и не пользовавшегося большим авторитетом в глазах общества, но избранного царем Земским собором, появление самозванцев, восстание И. Болотникова, раскол внутри дворянства, свержение Василия Шуйского, переход власти в руки Семибоярщины истощили Российское государство, положение которого еще больше осложнялось присутствием в центральной части страны большого польско-литовского войска. Все это привело к решению заключить договор с Сигизмундом III, который предусматривал избрание королевича Владислава – сына Сигизмунда – русским царем. Заключая такой договор, Боярская дума преследовала определенные цели: польско-литовское войско должно было отойти от Москвы и покинуть территорию Русского государства, а также помочь русским воеводам в борьбе с Лжедмитрием II. При этом договор предусматривал, что Владислав примет православие и все важные вопросы будет решать только с Боярской думой.

Однако национальное сознание и самосознание представителей русского мира не допускало мысли о том, что государством может править чужеземец, не наследник престола, к тому же принадлежащий католической вере. Борьба с незаконными претендентами на престол – это прежде всего противостояние цивилизационное. Противники угрожают православной вере, в целом православному мироощущению и мировидению русского средневекового человека. Чужеземцы способны разрушить не столько страну как территориальное образование: они составляют угрозу именно для русского мира, уже сложившегося и крепкого цивилизационного конструктора.

В «Новой повести о преславном Российском царстве» не только выражается несогласие с воцарением иностранца, но и содержится открытый призыв к борьбе с интервентами: «Вооружимся на общих сопостат нашихъ и враговъ и постоимъ вкупѣ крѣпостнѣ за православную вѣру, и за святяя Божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже намъ Господь далъ, и изберем славную смерть!» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. Идея жертвенности ради Отечества и предпочтительности смерти подчинению врагу является сквозной в отечественной литературе и последовательно связывается с темой «русского мира». Эта мысль звучит и в «Слове о полку Игореве», когда князь наставляет дружину перед походом: «Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти» [Слово о полку Игореве, 1997, с. 256], и в «Повести о разорении Рязани Батыем», где олицетворением этого является Евпатий Коловрат, смысл подвига которого «следует искать в глубинах народного сознания: погибель за родную землю оказывается предпочтительней жизни» [Вититнев, Шмелева, 2020, с. 4].

Однако следует отметить, что «Слово о полку Игореве» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» изображают иную историческую ситуацию – внешний враг угрожает разрозненному государству. В этих произведениях Русское государство находится на этапе строительства, постепенного формирования культурного цивилизационного кода, понятие «русский мир» по отношению к этим памятникам еще не осмысливается. В памятниках Смутного времени отражается угроза смены сложившегося русского цивилизационного кода, для которого православное христианство является одной из важнейших состав-

ляющих, поэтому воцарение на престоле католика, пусть даже и принявшего православное крещение, рассматривается как национальное предательство.

Так, подчеркивается невозможность вступить на русский престол иностранцу, ведь это оскверняет династическое прошлое и противоречит сложившемуся представлению о власти, которую дает сам Господь: «от того гнилаго и нетвердаго, горкаго и криваго коренни древа, и в застени стоящего (на него же, мню, праведному солнцу мало сияти, и совершеннѣй благодати от него бывати ...)» [Новая повесть ... , 2006, с. 152–154]. В нарушении Сигизмундом августовского договора и его требовании присяги ему самому, а не королевичу Владиславу видится самая большая опасность: Сигизмунд – ярый католик – посягает на сакральное Русское царство: «понеже оть давныхъ леть мыслят на наше Великое государство всѣ они, окаяники и безбожники, иже и преже того были, ево же братия, в той же ихъ проклятой землѣ и вѣре, како бы имь Великое государство наше похитити, и вера христианская искоренити, и своя богомерзкая учинити» [Новая повесть ... , 2006, с. 154]. В случае поклонения Сигизмунду русский мир просто перестанет существовать, ведь разрушится его цивилизационный код. Поэтому красной нитью через все агитационное произведение проходит мысль об отстаивании цивилизационных основ: «Приидите, приидите, православнии! Придите, приидите, христюлюбви! Мужайтесь, и вооружайтесь, и тщитесь на враги своя, како бы их побѣдити и царство освободити!» [Новая повесть ... , 2006, с. 162].

Главный композиционный прием обоих памятников – противопоставление. В начальные слова произведения включается оппозиция своих и чужих: «православнымъ христяномъ – всякихъ чиновъ людем, которые еще душъ своихъ от Бога не отщетили, и от православные вѣры не отступили, и вѣрою прелести не последуютъ, и держатся благочестия, и к соперникомъ своимъ не прилепились, и во отпадшую ихъ не уклонились, и паки хотять за православную свою вѣру стояти до крове» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. В этих строках, выполняющих функцию и вступления, и обращения, подчеркивается, что главным признаком своих является следование заветам Христа и готовность отстаивать идеалы православного христианства. Воплощение истинных представителей русского мира, обладающих признаками стойкости, мужества, храбрости, готовых пожертвовать собой ради Отечества, видится в жителях Смоленска, стойко выдерживающих жестокую осаду интервентов: «Поревнуемъ и подивимся великому оному нашему граду Смоленську, его же стояние к Западу» [Новая повесть ... , 2006, с. 150].

Оборона Смоленска имела важное значение. С 1609 по 1611 г. город стойко выдерживал жестокую осаду, несмотря на силу противника (по замечаниям историков, войско Сигизмунда насчитывало чуть больше 22 тыс. человек против 5 тыс. смолян [Фролов, 1987; Каргалов, 2002; Александров, 2011]), внутренние разногласия между дворянами, боярами и даточными людьми, а также большие потери среди немногочисленной смоленской армии. Исторические источники свидетельствуют, что во время обороны жители не только Смоленска, но и соседних городов при штурмах крепости были готовы пожертвовать жизнью ради спасения Русской земли. Ярким примером жертвенности защитников города является решение смолян в конце сентября 1609 г. сжечь жилые дома, а также деревянный спуск от крепости к Днепру, чтобы противник не смог ими воспользоваться. Кроме этого, неоднократно смоленские воины останавливали захватчиков, вступая с ними в рукопашную схватку. Положение смолян осложняли неурожай и падеж скота, что вынуждало их совершать вылазки ради пропитания и пробираться мимо оккупантов,

с которыми каждый раз происходили ожесточенные стычки. Однако ни потери армии, ни погодные условия, ни голод, ни случаи дезертирства не сломили мужества защитников крепости и не позволили добровольно сдаться после захвата Москвы интервентами: «В стойкой защите родного города заключалось общегосударственное значение подвига смольнян, надолго задержавших начавшееся быстрое продвижение польско-литовских интервентов» [Дробленкова, 1960, с. 16].

Отсылки к обороне Смоленска в «Новой повести о преславном Российском царстве» и «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» не случайны. Во-первых, Смоленск, укрепленный различными оборонительными сооружениями, представлял собой неприступную крепость, которая может быть рассмотрена метафорически как модель «русского мира» – центр сосредоточения национально-патриотических сил: «оборонительные сооружения Смоленска были довольно разнообразны, ими были охвачены и сам город, и посады. При умелом руководстве обороной город являлся неприступной крепостью, что и продемонстрировала оборона Смоленска 1609–1611 гг.» [Александров, 2011, с. 182]. Кроме того, большое значение имеют высокие личностные качества смолян: «Чаемъ, яко и малым дѣтемъ слышавше, дивитися той ихъ, гражданъ, храбрости, и крепости, и великодушью, и непреклонному уму» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. Особое внимание уделяется вопросу объединения сил в борьбе с врагом, подчеркивается единство духовных качеств защитников и невозможность покориться захватчикам: «И вси стоять единомушно, и непреклонно, и неподвижно умомъ и душею на ихъ прелестное ложное обѣщание» [Новая повесть ... , 2006, с. 150].

Во-вторых, образ города с крепостными стенами невозможно не соотнести с образом града небесного, града Божия, который нередко изображается на иконах именно как город-крепость. Представление о граде небесном (граде Божьем, царстве Божьем), связанное с «вопросами смысла и ценности субъективного бытия личности, возможностью соотнесения земного и небесного миров, поисками высшего идеала» [Коковина, Михайлова, 2021, с. 237], стало мифологемой, характерной для русской литературы и культуры в целом. Концепция града небесного восходит к Библии – образ небесного Иерусалима встречается в Откровении Иоанна Богослова: «И я, Иоанн, увидел святыи город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего <...> И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святыи Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию» (Откр. 21: 2, 10, 11). В Священном Писании град небесный Иерусалим – прообраз рая на земле, город, осененный Божьей благодатью, город, защищенный Божьим покровительством от всего враждебного: «И не войдет в него ничто нечистое и никто преданныи мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21: 27). Кроме этого, град Божий имеет мессианское значение – спасение всего человечества, определение истинных ценностей и верного пути: «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою <...> И принесут в него славу и честь народов» (Откр. 21: 24, 26). Образ града небесного связывается с духовным очищением, возвышением личности, постижением любви к Богу: «Город, символизирующий обитель Бога, нисходит к алчущему сердцу, возлюбившему его» [Салмин, 2021, с. 58].

Примечательно сравнение небесного града Иерусалима с невестой: «толикаго учреждения бысть преисполнено, и свѣтомъ, и славою превзыде, яко невеста, на прекрасный бракъ жениху уготована!» [Плач о пленении ... , 2006,

с. 182]. Образ невесты является сакральным – он ассоциируется прежде всего с нравственной чистотой и благочестием. Невозможно не отметить параллели со Священным Писанием, согласно которому невеста – это прообраз Церкви. Как известно, под образом невесты Христовой православное богословие почитает Церковь. Так, в Послании к Ефесянам апостол Павел сравнивает взаимоотношения Иисуса Христа и Церкви с отношениями между женихом и невестой: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5: 25–27). Далее эта мысль развивается, переходя в метафорическое осмысление Церкви как тела Христова: «Так должны мужа любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5: 28–30). Подобно жениху и невесте, которые свяжут себя брачными узми, Христос и Церковь являются единой плотью, так же и все христиане, приходящие в Церковь, составляют Тело Христово, о чем говорится в первом послании к Коринфянам апостола Павла: «И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12: 27).

В Евангелии от Матфея Иисус Христос рассказывает притчу о десяти девах – пяти разумных и пяти неразумных: «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху» (Мф. 25: 1). Никто не знает, когда появится жених, ведь он может прийти в любой момент, поэтому важно, подобно мудрым девам, жить в его ожидании, готовиться ко встрече с ним: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф. 25: 13).

Таким образом, в контексте Священного Писания образ невесты Христовой наделяется признаками нравственной чистоты, непорочности, верности, готовности следовать за Христом. Очевидны параллели с православной концепцией души, ищущей Господа и стремящейся очиститься от скверны, идти по истинному пути. Следование заветам Христа представляет собой верную дорогу для каждого христианина. Поэтому можно обобщить, что все члены Церкви Христовой, православные христиане, прочно связаны духовными узми: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12: 13).

Уподобление Руси невесте в «Плаче о пленении...» не случайно. Русь уподобляется Церкви как метафизическому явлению. А. С. Хомяков подчеркивал: «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати... Единство же Церкви не мнимое; не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом» [Хомяков, 1994, с. 5]. Эту концепцию Церкви можно рассматривать как цивилизационную модель – единство людей в православии, отмеченность Божьей благодатью, православное братство, соборность. Все эти признаки созвучны с пониманием русского мира как целостного явления. А смысловой ряд небесный град Иерусалим – невеста – Русь отсылает к восприятию русского мира как особого цивилизационного конструкта с мессианским значением, что выразилось в теориях «Москва – новый Иерусалим» и «Москва – третий Рим». При помощи библейских аллюзий автор утверждает не просто высокое, а бо-

гоизбранное положение Руси и русского мира, который сейчас переживает цивилизационный кризис.

Кроме этого, сравнение Руси с невестой имеет еще один смысл: постепенно начинает складываться метафора Руси как женщины. Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, утверждают, что для России женщина, женственность, женское – национальный идеал [Багичева, 2016; Бердяев; Соловьев, 1989; Грэм; Эдмондсон, 2003]. В русской литературе и фольклоре складывается осмысление Родины – Руси, России – как матери, невесты, жены, вдовы и др.

Женское начало Руси связано прежде всего с семейностью, преемственностью поколений, единением людей. В этом смысле можно рассмотреть Русь и русский мир как одну семью, во главе которой стоит отец – царь, царь-батюшка. Интересно, что «образ царя-батюшки сложился из представления о нем как наместнике бога» [Багичева, 2016, с. 103]. Однако в Смутное время эта семья оказывается неполной: «Казалось, что все ждали одного: как сироты, найти скорее отца» [Карамзин, 1988, с. 683].

В раннехристианских текстах стали складываться разные представления о рае, в одном из которых рай осмыслялся «в духовном смысле, как Царствие Небесное, как возможность приблизиться к Господу и быть со Христом» [Казиков, 2021, с. 6], и именно такое представление оказалось доминирующим в христианском сознании. Согласно этой мысли, достижение рая становится возможным благодаря очищению души, духовному возвышению, совершенствованию, духовным подвигам. В связи с этим во многих памятниках письменности, обращаясь к теме христианства и вопросам о христианской душе, появляется мотив мученичества за веру и Христа. Этот мотив, как мы указывали ранее, явился составным элементом и темы «русского мира». Так, и в «Новой повести...», и в «Плаче о пленении...» во фрагментах, посвященных обороне Смоленска, защитники города воспринимаются как христианские мученики: «наша же братия, православныя християне, сидятъ, и великую всякую скорбь и тесноту трпятъ, и стоятъ крѣпцѣ за православную вѣру, и за святые Божия церкви, и за свои души, и за всѣхъ за нас, а общему нашему сопостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся» [Новая повесть ... , 2006, с. 150], «Живущии же во градѣ Смоленскѣ благочестивии людие мученическими страданми изволиша лучше смерть воспрियाти, неже въ люторскую вѣру уклонитися, и мнози гладомъ и смертию нужною сконъчашася» [Плач о пленении ... , 2006, с. 188].

Мотив мученичества тесно связан именно с защитой Смоленска. Как известно, летом 1611 г., когда смоленская армия была очень ослаблена, жители Смоленска укрывались от врагов в Мономаховом соборе. Когда туда ворвались поляки, «некто Белавин поджег огромные запасы пороха ... хранившегося в подвалах собора. Немногие оставшиеся после взрыва бросались в огонь, не желая “поклониться польскому королю”» [Мухина, 2014, с. 63]. Этот исторический факт демонстрирует не только готовность людей пожертвовать жизнью во имя защиты Родины, но и полную невозможность подчинения чужим, смены культурного и цивилизационного кода. Следует сделать оговорку, что «Новая повесть...», в отличие от более позднего по времени написания «Плача о пленении...», по предположениям исследователей, была создана не ранее февраля 1611 г., «на волне начавшегося формироваться в январе – марте 1611 г. первого народного ополчения, в канун стихийно вспыхнувшего в Москве восстания 19 марта 1611» [Дробленкова, 2006, с. 691], т. е. этот памятник, вероятно, был написан раньше трагических событий в Мономаховом со-

боре. К тому же в «Новой повести...» об этом не говорится напрямую, однако знание данного исторического эпизода позволяет рассматривать фрагмент, посвященный Смоленску, исключительно в свете мотива мученичества.

Кроме устойчивых признаков христианского мученика (страдание за православную веру и Божьи церкви), обратим внимание на следующие детали: «стоят крѣпцѣ ... за всѣхъ за нас» и «общему нашему сопостату и врагу» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. Здесь существенным видится употребление местоимений первого лица *нас*, *нашему*, что подчеркивает общность людей, принадлежащих к русскому миру – и Смоленск, и Москва, и другие многочисленные города Русской земли – географические точки русского мира, которые из-за политической обстановки становятся разрозненными, оторванными друг от друга. С помощью местоимений первого лица множественного числа акцентируется внимание на общерусскости трагедии, напоминая о необходимости сплочения.

Объединение людей общей бедой и тревогой за будущее и сохранность русского мира от «иномирных» захватчиков, необходимостью отстаивать свои интересы подчеркнуты и употреблением словосочетаний «наша же *братия*, *православныя христиане*» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. Отметим, что это выражение можно интерпретировать в широком смысле: слово *православный* имеет не только конфессиональное значение, оно используется в цивилизационном смысле, обозначая людей русского мира, объединенных православной верой. На тождественность и взаимозаменяемость слов «русский» и «православный» обращает внимание А. Н. Ужанков: «Понятия *русский* и *православный* становятся синонимами. После падения православной Византийской империи в 1453 г. и освобождения от монголо-татарского ига в 1480 г. Московское государство в полной мере ощутило свою миссию – защитника Православия до ожидаемого в 1492 г. “конца света”, что еще больше закрепило в сознании древнерусских книжников тождественность концептов *русский* и *православный*» [Ужанков, 2022, с. 71]. Слово *братия* усиливает значение объединения людей на основе общих признаков (прежде всего, признака православной цивилизации) и целей (победы над врагом) и отсылает к мотиву мученичества за веру и Христа.

Кроме этого, во фрагменте, посвященном Смоленску, находит отражение мысль о бессмертии истинной христианской души. Смерть за Родину, за русский мир для защитников является переходом в вечную жизнь, что оказывается предпочтительней земной жизни предателей: «И душѣ своих не потопят и во вѣки ими погибнути не хотят, а хотят славнѣ умрети, нежели безчестнѣ и горко жити» [Новая повесть ... , 2006, с. 150]. Согласно христианскому вероучению, душа человека нематериальна, бессмертна, и ее судьба после физической смерти определяется земными делами и образом жизни человека. Представляя собой «совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов» [Святитель Лука, 2011, с. 63], именно душа составляет духовную сущность человека, связывает его с Богом. В связи с этим жизнь по заветам Христа очищает душу, а отступление от христианских заповедей губит ее.

Примечательно, что в русской языковой картине мира концепция души преимущественно связывается с понятиями «жизнь» / «живое», при этом «в отличие от общепринятой оппозиции “живое – неживое” концепт “душа” актуализирует семему “бессмертие”, что закреплено языковой и духовной традицией» [Журавлева, 2007, с. 114]. В связи с этим показательно появление нехарактерного представления о мертвой душе, что подчеркивает исключи-

тельную степень негативной оценки предательства и осмысление безысходности судьбы чужих.

Стоит отметить, что оба памятника композиционно можно разделить на три части: в первой создается идеально-возвышенный образ Руси, в основной части с горечью повествуется о событиях, разрушающих русский мир, а третья выражает надежды на спасение. Эти три части соотносимы с исторической судьбой Руси и русского мира: первая – прошлое, вторая – настоящее, а третья – будущее. Основная часть в обоих памятниках проникнута горечью: «Чем больше проходило времени с момента начала Смуты, чем больше страдало Московское государство в огне интервенции и гражданской войны, тем все чаще и чаще возникало в обществе ощущение безысходности» [Туфанова, 2019, с. 75]. Однако первая и третья части пронизаны возвышенным пафосом, и композиционно, на наш взгляд, утверждение величия, мощи и цельности Русского государства и надежды на сохранение русского мира неслучайно выносятся в начало и конец – сильные позиции текста.

Заключение

События Смутного времени не могли не повлиять на особый характер литературы: появляется большое количество разнообразных в жанровом и стилевом отношении памятников. Литература становится настоящим идеологическим оружием: публицистичность, свойственная XVI в., в XVII веке достигает пика, при этом авторы используют все средства, чтобы убедить читателя в своей правоте, переплетая исторические факты и легенды, правду и вымысел, документы и видения.

Список источников

Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 9. С. 67–96.

Александров С. В. Смоленская осада. 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.

Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 424 с.

Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.

Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 326–353.

Багичева Н. В. Образы матери-Родины и Большой семьи в метафорическом онтогенезе // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 102–111.

Бердяев Н. А. О «вечно-бабьем» в русской душе [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1914_o_vechno_babem.shtml?ysclid=lp2m24g15u643945744 (дата обращения 28.07.2023).

Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Евпатий Коловрат: художественное воплощение исторического образа // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та имени Ярослава Мудрого. 2020. № 3 (28). С. 4–8.

Грэм С. Неведомая Россия. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5> (дата обращения 30.07.2023).

Державина О. А. К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 298–303.

Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Палицын Авраамий. Сказание Авраамия Палицына / под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 16–63.

Дробленкова Н. Ф. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 690–697.

Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 239 с.

Журавлева Е. А. Концепт «душа» в русском национальном самосознании // Науч. вестн. Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 3 (3). С. 108–115.

Казаков М. М. Представления о рае в раннем христианстве // Теол. вестн. Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 3. С. 6–20.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 кн. Ростов н/Д: Рост. книжн. изд-во, 1990. Кн. 4 (т. X – XII). 544 с.

Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988. 768 с.

Каргалов В. В. Михаил Шеин // Московские воеводы XVI – XVII вв. М.: Русское слово-РС, 2002. С. 180–241.

Клюкина Л. А. Конструирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV – XVI вв.) // Междунар. журн. исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 62–69.

Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. 3 : Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1988. 414 с.

Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 528 с.

Коковина Н. З., Михайлова И. П. Мифологема «Светлый Град» в лирике Пимена Карпова // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19 (2). С. 235–250.

Коротченко М. А. Публицистика Смутного времени (проблематика, проблема авторской позиции, влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/publitsistika-smutnogo-vremeni-problematika-problema-avtorskoi-pozitsii-vliyanie-tserkovnoi-?ysclid=lp1e2mhvxa657547729> (дата обращения 25.07.2023).

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009. 1024 с.

Лихачев Д. С. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 5–22.

Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 218–234.

Мухина Ю. Ю. Национальные и патриотические силы в период обороны Смоленска 1609–1611 гг. // Вопросы отечественной истории : межвуз. сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и соискателей / отв. ред. А. И. Юрьев. М.: Московский гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2014. С. 47–65.

Надольская В. И. Цивилизационный код: понятие и сущность // Иппокрена. 2018. № 1–2. С. 218–225.

Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 150–179.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / отв. ред. Я. Н. Щапов. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 180–195.

Салмин Л. Град Небесный // Проект Байкал. 2021. Т. 18, № 67. С. 56–63. DOI: 10.51461/projectbaikal.67.1755.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. М.: Образ, 2011. 128 с.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута. М.: Мысль, 1988. 283 с.

Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 254–268.

Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 1 : Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 688 с.

Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 2 : Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 735 с.

Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 103–113.

Солодкин Я. Г. Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева : дис. ... д-ра ист. наук. Кустанай, 1990. 493 с.

Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 449 с.

Тищенко А. С. Русский мир и его признаки в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. Т. 26, № 3. С. 80–93.

Тищенко А. С. Тема «русского мира» в памятниках эпохи становления Московского государства // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия : История и филология. 2023. № 1 (59). С. 44–51.

Туфанова О. А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 440 с.

Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т наследия, 2022. 212 с. DOI: 10.34685/НИ.2022.86.40.004.

Федякин А. В. Предпосылки и истоки формирования образов российской государственности // Вестн. Московского ун-та. Серия 12 : Политические науки. 2008. № 3. С. 21–31.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.

Фролов Б. П. Героическая оборона Смоленска в 1609–1611 гг. // Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 73–78.

Хомяков А. С. Соч. : в 2 т. Т. 2 : Работы по богословию. М.: Московский философский фонд, Медиум, 1994. 478 с.

Черепнин Л. В. Тема государства в русской публицистике начала XVII в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 175–178.

Эдмондсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте // Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования / пер. О. Демидовой. М., 2003. Вып. 3. С. 411–437.

References

A new story about the glorious Russian Kingdom (2006). *Library of literature of Ancient Russia: in 20 vols.* St. Petersburg, Science, vol. 14, pp. 150-179. (In Russian).

Adrianova-Peretz V.P. (1953). Historical stories of the XVII century and oral folk art. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature.* Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, vol. 9, pp. 67-96. (In Russian).

Alexandrov S.V. (2011). *Smolensk Siege. 1609-1611.* Moscow, Veche, 304 p. (In Russian).

Antonov D.I. (2009). *The Time of Troubles in the culture of Medieval Russia: The Evolution of Ancient Russian Mythologies in the Bookishness of the beginning of the XVII century.* Moscow, RSSU, 424 p. (In Russian).

Antonov D.I. (2019). *Tsars and Impostors: the Struggle of Ideas in Russia of the Time of Troubles.* Moscow, RSSU, 312 p. (In Russian).

Babkin D.S. (1951). Russian rhetoric of the beginning of the XVII century. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature.* Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, vol. 8, pp. 326-353. (In Russian).

Bagicheva N.V. (2016). Images of mother Motherland and Large family in metaphorical ontogenesis. *Political Linguistics*, no. 2 (56), pp. 102-111. (In Russian).

Berdyayev N.A. *About the 'ever-feminine' in the Russian soul*. Available at: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1914_o_vechno_babem.shtml?ysclid=lp2m24g15u643945744 (accessed 28.07.2023). (In Russian).

Cherepnin L.V. (1976). The theme of the state in Russian journalism of the beginning of the XVII century. *Cultural heritage of Ancient Russia (Sources. Becoming. Traditions)*. Moscow, Science, pp. 175-178. (In Russian).

Derzhavina O.A. (1955). 'Legend' of Avraamiy Palitsyn and his author. *Palitsyn Avraamiy. The Legend of Avraamiy Palitsyn*. Ed. L.V. Cherepnin. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, pp. 16-63. (In Russian).

Derzhavina O.A. (1958). On the problem of the poetic style of the historical story of the beginning of the XVII century. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, vol. 14, pp. 298-303. (In Russian).

Drobenkova N.F. (1960). *A New story about the Glorious Russian Kingdom and its contemporary propaganda patriotic writing*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, 239 p. (In Russian).

Drobenkova N.F. (2006). Comments. *Library of literature of Ancient Russia: in 20 vols*. St. Petersburg, Science, vol. 14, pp. 690-697. (In Russian).

Edmondson L. (2003). Gender, myth and nation in Europe: The Image of Mother Russia in the European context. *Sex. Gender. Culture: German and Russian studies*. Transl. by O. Demidova. Moscow, iss. 3, pp. 411-437. (In Russian).

Fedyakin A.V. (2008). Prerequisites and origins of the formation of images of Russian statehood. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences*, no. 3, pp. 21-31. (In Russian).

Florya B.N. (2005). *The Polish-Lithuanian intervention in Russia and Russian society*. Moscow, Indrik, 416 p. (In Russian).

Frolov B.P. (1987). Heroic defense of Smolensk in 1609-1611. *Military-Historical Journal*, no 6, pp. 73-78. (In Russian).

Graham S. *Unknown Russia*. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2007/5> (accessed 30.07.2023). (In Russian).

Karamzin N.M. (1988). *Legends of centuries*. Moscow, Truth, 768 p. (In Russian).

Karamzin N.M. (1990). *The History of the Russian state: in 4 books*. Rostov-on-Don, Rostov Book Publishing House, book 4 (vol. X–XII), 544 p. (In Russian).

Kargalov V.V. (2002). Mikhail Shein. *Moscow voivodes of the XVI–XVII centuries*. Moscow, Russian Word-RW, pp. 180-241. (In Russian).

Kazakov M.M. (2021). Ideas about paradise in early Christianity. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, no. 3, pp. 6-20. (In Russian).

Khomyakov A.S. (1994). *Essays: in 2 vols. Vol. 2. Works on theology*. Moscow, Moscow Philosophical Foundation, Medium, 478 p. (In Russian).

Klyuchevsky V.O. (1988). *Essays: in 9 vols. Vol. 3. Course of Russian history*. Ed. V.L. Yanin. Moscow, Thought, 414 p. (In Russian).

Klyukina L.A. (2014). Constructing the mythologeme of empire in the Russian cultural consciousness (XV–XVI centuries). *International Journal of Cultural Studies*, no. 1 (14), pp. 62-69. (In Russian).

Kokovina N.Z., Mikhailova I.P. (2021). The mythologeme 'Light City' in the lyrics of Pimen Karpov. *Problems of Historical Poetics*, no. 19 (2), pp. 235-250. (In Russian).

Korotchenko M.A. (1998). *Journalism of the Time of Troubles (problematics, the problem of the author's position, the influence of church journalism of the late XV – early XVI centuries)*: thesis abstract. Moscow. Available at: <https://www.dissercat.com/content/publitsistika-smutnogo-vremeni-problematika-problema-avtorskoi-pozitsii-vliyanie-tserkovnoi-?ysclid=lp1e2mhvxa657547729> (accessed 25.07.2023). (In Russian).

Kostomarov N.I. (2009). *Russian history in the biographies of its main figures*. Moscow, Exmo, 1024 p. (In Russian).

Kozlyakov V.N. (2007). *The Time of Troubles in Russia. XVII century*. Moscow, Omega, 528 p. (In Russian).

Likhachev D.S. (2006). Approaches to decisive changes in the structure of literature. *Library of literature of Ancient Russia: in 20 vols.* St. Petersburg, Science, vol. 14, pp. 5-22. (In Russian).

Likhachev D.S. (1951). The problem of character in historical works of the beginning of the XVII century. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature.* Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, vol. 8, pp. 218-234. (In Russian).

Mukhina Yu.Yu. (2014). National and patriotic forces during the defense of Smolensk 1609-1611. *Questions of National history: Interuniversity collection of scientific articles by teachers, graduate students and applicants.* Ed. A.I. Yur'ev. Moscow, M.A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities, pp. 47-65. (In Russian).

Nadolskaya V.I. (2018). Civilizational code: concept and essence. *Ippokrena*, no. 1-2, pp. 218-235. (In Russian).

Panchenko A.M. (2000). *About Russian history and culture.* St. Petersburg, Alphabet, 464 p. (In Russian).

Platonov S.F. (1995). *Essays on the history of the Troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries. The experience of studying the social system and class relations in the Time of Troubles.* Ed. Ya.N. Shchapov. Moscow, Monuments of historical thoughts, 470 p. (In Russian).

Salmin L. (2021). Heavenly City. *Baikal Project*, vol. 18, no. 67, pp. 56-63. DOI: 10.51461/projectbaikal.67.1755. (In Russian).

Skrynnikov R.G. (1988). *Russia at the beginning of the XVII century.* Moscow, Thought, 283 p. (In Russian).

Solodkin Ya.G. (1981). On the dating and attribution of the 'New Tale of the Glorious Russian Kingdom'. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature.* Leningrad, Science, vol. 36, pp. 103-113. (In Russian).

Solodkin Ya.G. (1990). *Russian journalism of the beginning of the XVII century. The problems of the origin of the largest chronicle monuments and the "Temporary" Ivan Timofeev: thesis.* Kustanai, 493 p. (In Russian).

Soloviev V.S. (1989). *Essays: in 2 vols.* Vol. 1: Philosophical journalism. Moscow, Truth, 688 p. (In Russian).

Soloviev V.S. (1989). *Essays: in 2 vols.* Vol. 2: Readings on God-manhood. Philosophical journalism. Moscow, Truth, 735 p. (In Russian).

St. Luke (Voino-Yasenetsky) (2011). *Spirit, soul, body.* Moscow, Image, 128 p. (In Russian).

The lament of the captivity and the final ruin of the Moscow State (2006). *Library of literature of Ancient Russia: in 20 vols.* St. Petersburg, Science, vol. 14, pp. 180-195. (In Russian).

The word about Igor's regiment (1997). *Library of literature of Ancient Russia: in 20 vols.* St. Petersburg, Science, vol. 4, pp. 254-268. (In Russian).

Tikhomirov M.N. (1969). *Class struggle in Russia of the XVII century.* Moscow, Science, 449 p. (In Russian).

Tishchenko A.S. (2022). Russian World and its Signs in the 'Correspondence of Andrei Kurbsky with Ivan the Terrible'. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 26, no 3, pp. 80-93. (In Russian).

Tishchenko A.S. (2023). The theme of the 'Russian world' in the monuments of the formative era of the Moscow state. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series 'History and Philology'*, no. 1 (59), pp. 44-51. (In Russian).

Tufanova O.A. (2019). *Old Russian written monuments about the Time of Troubles as an artistic phenomenon: thesis.* Moscow, 440 p. (In Russian).

Uzhankov A.N. (2022). *The picture of the world of the Old Russian scribe. Categories of Russian medieval culture.* Moscow, Institute of Heritage, 212 p. DOI: 10.34685/HI.2022.86.40.004. (In Russian).

Vititnev S.F., Shmeleva A.V. (2020). Evpatiy Kolovrat: the artistic embodiment of the historical image. *Scientific Notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University*, no. 3 (28), pp. 4-8. (In Russian).

Zhuravleva E.A. (2007). The concept of 'soul' in the Russian national consciousness. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3 (3), pp. 108-115. (In Russian).

Сведения об авторе

Тищенко Алексей Сергеевич – младший научный сотрудник лаборатории филологии, alex.tishenko97@mail.ru

Information about the Author

Alexey S. Tishenko – Junior Researcher at the Philology Laboratory, alex.tishenko97@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 18.01.2024.